

Солнце ярко освещало тренировочное поле, две группы новобранцев стояли лицом к лицу, и каждая сторона отличалась по цвету их туник. Седьмая когорта, одетая в черное, стояла в строю, сомкнув щиты. Напротив них девятая когорта, одетая в белые туники, повторяла их движения. Сегодня им предстояло принять участие в имитационном сражении, которое должно было проверить не только их навыки, но и способность выживать.

В этом упражнении правила были просты: попади в цель - и противник мертв. Деревянный гладиус каждого новобранца был покрыт каким-то веществом - красным для седьмой когорты и белым для девятой. Одна-единственная метка любого цвета означала смерть, и любой новобранец, отмеченный противоположным цветом, был снят с поля боя.

Ливия Север стояла на своем месте в строю седьмой когорты, и под ее черной туникой размеренно билось сердце. За недели неустанных тренировок она стала сильнее и дисциплинированнее, и теперь ей предстояло последнее испытание — групповой бой, в котором она и ее товарищи сразятся с новобранцами девятой когорты.

- Построиться! - проревел центурион.

Ливия прикрыла свой щит (скутум) щитами своих товарищей, чувствуя важность момента. Новобранцы вокруг нее слегка заерзали, у некоторых нервы взяли верх. Это были не просто учения — это была битва, в которой на кону стояли гордость и почет.

На другом конце поля боя девятая когорта выглядела уверенно. Их белые туники сверкали на солнце, а лица выражали решимость. Они тренировались дольше, и это было заметно. Но седьмой когорте было что доказывать.

Снова раздался голос центуриона. "Вперед!"

Две когорты двинулись навстречу друг другу, подняв щиты и приготовив мечи-гладиусы. Пустое пространство между ними становилось все меньше и меньше, пока по лагерю не разнесся первый звон щитов. Седьмая когорта встретила с девятой в столкновении дерева и мускулов, их щиты столкнулись, когда они сражались, чтобы сохранить строй.

Ливия почувствовала удар, когда стена щитов сомкнулась, ее мышцы напряглись, чтобы удержаться на месте. Она увидела отблеск белого вещества на гладиаторах девятой когорты, явное напоминание о том, что поставлено на карту. Один неверный шаг, один удар, и она выбыла бы из строя — в глазах инструкторов она была бы мертва.

Воздух наполнился звуками деревянных клинков. Ливия быстро парировала удар, нацеленный ей в плечо, ее черная туника была все еще чистой. Она нанесла ответный удар своим собственным гладиусом, и ее покрытый красным лаком клинок с силой ударил по щиту противника. Мужчина отшатнулся, но прежде, чем она успела нанести решающий удар, другой

новобранец из девятой когорты встал у нее на пути.

Воцарился хаос. Новобранцы седьмой когорты рванулись вперед, пытаясь прорвать строй девятой, но встретили яростное сопротивление. Новобранец справа от Ливии получил ранение в руку, и на его тунике появилась белая полоса. Один из центурионов оттащил его назад, и он был фактически “мертв” во время упражнения.

Ливия стиснула зубы и продолжила движение, двигаясь как единое целое со своими товарищами. Ее щит врезался в мужчину перед ней, и она полоснула его гладиусом по боку, оставив ярко-красную отметину на его белой тунике. С ним было покончено.

Однако на каждую победу приходились потери. С поля боя были выведены еще двое новобранцев из седьмой когорты, их черные туники были испещрены белыми полосами. Голос центуриона перекрыл шум.

“Держите строй!”

Мышцы Ливии горели от напряжения, когда она боролась за то, чтобы сохранить свое место в строю. Девятая когорта была неумолима, их удары были быстрыми и точными. Но седьмая когорта за недели тренировок стала сильнее и дисциплинированнее. Они удерживали свои позиции, шаг за шагом оттесняя девятую когорту назад.

Внезапно Ливия заметила что-то краем глаза. На возвышении, откуда открывался вид на поле, стоял трибун Ангустиклавий со своей женой и дочерью, наблюдая за сражением. Взгляд дочери, казалось, задержался на битве дольше, чем это было необходимо, и на краткий миг ее глаза встретились с глазами Ливии.

Ливия не могла позволить себе отвлекаться, и быстро переключила внимание на сражение, ее сердце бешено колотилось не только от напряжения боя, но и от того, что за ней наблюдали.

Новобранцы девятой когорты начали колебаться. Их строй дрогнул, когда седьмая когорта двинулась вперед, оттесняя их к краю поля. Ливия нанесла быстрый удар по ноге противника, оставив красную полосу на его белой тунике. Еще один новобранец упал.

Центурионы протрубили в рога, возвещая об окончании учений. Новобранцы опустили щиты и оружие, тяжело дыша от напряжения. Поле было усеяно теми, кто был отмечен красными и белыми полосами, - павшими в имитируемой битве.

Ливия взглянула на свою тунiku — все еще чистую, без единой царапины. Она выжила! Ее сердце наполнилось гордостью, но она быстро подавила ее. Здесь не было места высокомерию.

Когда новобранцы 7-й и 9-й когорт встали в строй, центурионы начали оттаскивать в сторону тех, кто проявил себя хорошо. Были отобраны лишь немногие, включая Ливию.

Голос центуриона прорезал послебоевую дымку.

— Те из вас, кто хорошо сражался, сегодня вечером будут есть как легионеры, и более того, вы будете ужинать с трибуном!

Это заявление вызвало волну воодушевления в рядах собравшихся. Обед с трибуном и его семьей был честью, которой удостаивались только лучшие. Ливия испытывала смешанное чувство гордости и нервозности. Она не могла позволить себе слишком выделяться, но и остаться незамеченной тоже вызвало бы подозрения.

Когда началась трапеза, избранные рекруты заняли свои места за столом, трибун окинул их оценивающим взглядом. Его жена сидела рядом с ним, ее поза была элегантно и сдержанной, в то время как его дочь, сидевшая рядом с ней, украдкой поглядывала в сторону Ливии, ее глаза были полны любопытства и чего-то еще, что Ливия не могла точно определить.

Все было готово к ужину — мясо, хлеб и вино, что очень отличалось от ячменя и пайков, которыми питались остальные. Ливия почувствовала важность момента. Это был не просто ужин — это была проверка, пристальный взгляд власть имущих.

Когда они приступили к еде, трибун, наконец, заговорил, и его голос прорезал тихий гул разговоров за столом.

- Сегодня вы все показали себя многообещающими, - сказал он, обводя взглядом каждого новобранца и ненадолго задерживаясь на Ливии. - Но это только начало. Путь впереди долгий и полный трудностей.

Ливия опустила глаза, тщательно пережевывая пищу, понимая, что каждое ее движение будут под пристальным вниманием. Дочь трибуна, однако, продолжала смотреть на нее. Ливия чувствовала это, и с каждой секундой ее любопытство росло.

Наконец, дочь наклонилась вперед, и ее голос был мягким, но настойчивым, когда она вдруг обратилась непосредственно к Ливии.

“Ты хорошо сражался сегодня... Ливий, не так ли?”

Ливия кивнула, и ее сердце забилось быстрее.

- Да, госпожа, - ответила она, стараясь, чтобы ее голос звучал уважительно и по-мужски.

Глаза дочери понимающе сверкнули, и она открыла рот, чтобы сказать что-то еще, когда ее остановили.

- Достаточно, - прервал ее трибун спокойным, но властным голосом. - Мы поговорим обо всем позже, а пока наслаждайтесь едой.

Напряжение в воздухе усилилось, когда дочь откинулась назад, явно недовольная, что ее прервали. Ливия почувствовала, что между ними повис какой-то вопрос.

Что она хотела сказать?

<http://tl.rulate.ru/book/121139/5055672>